

Владимир Власов

**Планетный
полёт духов**

Владимир Власов

Планетный полёт духов

«Автор»

2026

Власов В. Ф.

Планетный полёт духов / В. Ф. Власов — «Автор», 2026

«Планетный полёт духов» или «Межпланетное путешествие в земли Бессмертных» - шестая книга небесного путешествия даоса, написавшего трактат «Сказание о ясно-фиолетовой дымке» об обретении чудесного здоровья и нестареющего долголетия. После посещения Дворца Лазурного Дракона, Обители Чёрной Черепахи», Логова Белого Тигра и Гнезда Красной Птицы даос отправляется на поиски своих учеников и друзей церкви в Небесное путешествие в Царство теней, находящихся на пяти планетах пяти первостихий ##, где обитают души бессмертных даосов. В путешествии его по-прежнему сопровождают рассказчики средневековья: Пу Сун-лин, Юань Мэй, Цзи Юнь, а также мудрец Гань Бао, даосский учёный Вэн-цзы и архивариус Лунной Библиотеки Гэ Хун, повествующие о необычных приключениях своей прошлой жизни, и рассказывают о будущем, которое открывается всем прибывшим практикам Дао на острова Бессмертных. В путешествии странники встречаются с мудрецами прошлого и проникают в тайны богов и бессмертных духов через Чакру Кармы.

© Власов В. Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
1. Лесть	8
2. Неотвратимость	9
3. Возвращающиеся	10
4. Возвращение	12
5. Искренность	14
6. Осторожность	15
7. Проникновение	16
8. Рок	17
9. Выздоровление	18
10. Правда жизни	20
11. Великий покой	22
12. Оружие	23
13. Убийца драконов	24
14. Отказ Чжуан-цзы от похорон	25
15. Почему цари отказывали Конфуцию	26
16. Естественность	27
17. Путь – это дух	28
18. Овладение не принадлежащим	29
19. Чаньэ	32
20. Разговор с бесами о путях живых и мёртвых	40
21. Отшельник долгожитель	41
22. Сны, соединённые с реальностью	43
Глав	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Власов

Планетный полёт духов

Глава 1

Эпиграф

««Трагическое» - это чудесно высокое, мистически святое слово, исполненное трепета времён мифической юности человечества, а ныне выданное произволу любого подённого репортёра; так вот, «трагическое» не означает ничего, кроме судьбы героя, гибнущего из-за того, что он следует своей звезде вопреки сложившимся установлениям. Отсюда-то, и только отсюда, узнаёт человечество о «своём нраве». Ибо трагический герой, своенравный вновь и вновь, являет миллионам обыкновенных людей, трусов, что непослушание людскому диктату – вовсе не грубый произвол, но верность куда более высокому и священному завету. Иначе говоря, стадное чувство требует от всякого человека, прежде всего, приспособления и подчинения, однако самые почётные лавры оно оставляет вовсе не терпеливцам, молчаливкам, трусам, но своенравным, героям».

Герман Гессе

«Своенравие»

Перед покиданием Луны я овладел восемнадцатью истинами. А было это так: что уже долгое время находился на теневой стороне Луны, хотя новолуние и длится всего одно мгновение. Но это мгновение и есть то самое, что олицетворяет собой смерть. Это мгновение можно проскочить одним махом, как перепрыгнуть через глубокую щель на земле, но можно и остаться в полёте, который может продлиться вечность. «А существует ли смерть»? – задался я таким вопросом. Ведь никто не знает, что такое смерть, потому что мало кто знает, что такое жизнь. Когда я покидал Луну, меня пришли провожать несколько лунных даосов, которых я не знал, так как своих имён они мне не назвали. Я не успел ещё с ними познакомиться, но я не мог уже больше оставаться в лунной тени. Ведь не возможно вечно пребывать в одном и том же месте и одном и том же душевном состоянии, так как даже покойный мир находится в постоянном движении. Хотя у природы есть свой инструмент – это постоянно возвращать всех нас на землю к жизни в том или ином качестве. Но в этот раз я хотел бы вернуться к жизни в моём собственном теле и образе, потому что я посетил загробный мир по своему желанию. Удалось ли мне за это короткое время познать, что такое жизнь, и чем является смерть? Я был не уверен, и мне всё ещё хотелось в этом разобраться. Но первое, что я понял, это то, что жизнь скоротечна. «Всё движется, всё изменяется, всё приходит и уходит. Это и есть жизнь. Это и есть Дао», - вывел я для самого себя такую истину. Когда-то я нашёл в даосском трактате «Гуань Инь-цзы» восьмого века ещё более тонкое замечание, выраженное в таких словах: «Без присутствия Дао нельзя говорить, но о чём нельзя говорить – это Дао». Люйцин, комментатор Чжуанцзы, в своих заметках написал следующее: «Нет места, где бы не было Дао, и не бывает слов без Дао». Я понял это так, что Дао-бытие остаётся за пределами сказанного, так как сила безмолвия, творящая слово и оставляющая позади себя безжизненную цепочку слов – это анонимный Глас «флейты Неба», сокровенный Вселенский Ветер, который возбуждает всё многоголосье мира, не существует вне его, но и не сводим к отдельным голосам». «Ни словом, ни молчанием не выразить предела вещей». И здесь в лунной тени и при лунном сеянии я кое-что понял, но всё равно множество тайн так и осталось мной неразгаданными. И чтобы разобраться со всей этой мудростью, ко мне, вероятно, и пришли эти лунные даосы, которые могли мне кое-что объяснить. Я не ждал от них исчерпывающих объяснений, типа таких как: «Когда всё течёт, и всё изменяется, когда постоянно происходит приход-уход, то чередование

вещей закономерно, как и закономерны наши появления в этом мире и наши путешествия в других мирах. И с этим мы ничего не можем поделать, так как являемся частичками целого в природе. Поэтому нам нужно ценить каждое мгновение жизни, не сожалеть, когда бывают потери, и не радоваться, когда бывают приобретения, а жить полной насыщенной жизнью и быть готовым ко всем изменениям». Но мне хотелось от них услышать, чего-то мудрого, по поводу жизни и смерти, что соответствовало бы моему душевному настрою. И один из них, оказавшийся мудрецом Ян-цзы, сказал такие слова, которые я тут же запомнил:

1. Лесть

Цзингун, царь циский, приближаясь с севера к столице,
С придворными стал слёзы проливать, так восклицая:
- «О, как прекрасно здесь! Как ваши дороги мне лица!
Неужто нужно умирать, всё это покидая!
О, я б не умер, если б древние не умирали,
Ведь вся цветёт природа, осенью лишь увядает,
Спит только зиму, снова всё весной же воскресает.
О если б вечно жили все, мы смерти бы не знали»!
Два царедворца с царём вместе дружно зарыдали:
- «Готовы мы питаться зерном грубым, плохим мясом,
На кляче ездить и разбитым править тарантасом,
Но только б вы, великий государь, не умирали»!
Все плакали, но только в стороне Янцзы смеялся,
Царь вытер слёзы и спросил слугу Янцзы с укором:
- «Все плакали, но почему же ты не разрыдался»?
Смеясь, с потупившимся тот царю ответил взором:
- «Глядя на этих слуг двух, я украдкой засмеялся,
Ведь если б прежние цари всегда трон сохраняли,
То чем же бы царь нынешний сегодня занимался?
Тогда б и мы при вас все царедворцами не стали.
И если б трон сейчас цари другие занимали,
То вы об урожае бы заботу проявляли,
В плаще и шапке из соломы в поле бы стояли,
И в свой досуг о смерти, жизни так не рассуждали.
Как трон бы обрели вы, коль цари бы не сменялись?
И как смогли бы наслаждаться жизнью вы спокойно?
Печалюсь я, что в слуги вам одни льстецы попались,
Царю вести себя так, слугам плакать – недостойно».

Да! Янцзы был тысячу раз прав в том, что все мы на земле являемся временными странниками. И жизнь наша весьма скоротечна и заканчивается смертью. Это и есть всеобщий закон неотвратимости. В это время другой мудрец Ле-цзы сказал такую речь:

2. Неотвратимость

Когда возможность жить есть, счастье – каждому родиться,
Когда спокойно сами умирают - тоже счастье,
Ведь жаль, когда жить можно, но нельзя на свет явиться,
Уйти не может смерти жаждущий – то же несчастье.
Есть от природы счастье, также как и наказание,
Одни, когда жить можно, почему-то умирают,
Другие, невозможно когда жить, жизнь обретают,
Такие есть, что с жизнью не дождутся расставанья.
Однако не зависит от людей жизнь и рождение,
Что связано с природой, то судьба сама решает.
Не может человек избегнуть смерть и одряхление,
Поэтому, как жизнь пойдёт, того никто не знает.
Природа Путь далёкий, беспредельный, образует,
Природы Путь определяет сам своё движение,
И если на судьбу и путь свой кто-то негодует,
Никто Пути не сможет оказать сопротивление.
Естественность ведь это - то, что нас уничтожает,
Она есть то, что Путь откроет нам или закроет,
Естественность бесстрастна к нам – ведёт или встречает,
Она нас создаёт, даёт пожить нам, и покоит.

За этот короткий момент, мне казалось, что я побывал в объятиях смерти. Когда-нибудь настанет и наше время, и все мы удалимся в иной мир, как эти даосы. То, что я пережил за это мгновения новолуния, являлось тоже моей жизнью, а значит и в смерти есть своя жизнь, как бы это парадоксально не звучало. Возможно, что смерть – это и есть бессмертие. В своих рассуждениях мудрецы пришли к мысли, что даос может овладеть самым совершенным оружием, которым является бессмертие. Но, как я думаю, это оружие, наверное, обрести не очень просто. Ведь побороть смерть при нынешних условиях жизни человеку почти невозможно. Даосы часто говорят о странствующих и возвращающихся, но те, которые не возвращаются к нам, вероятно, умирают? Однако на эту мысль мудрец Янцзы отреагировал таким замечанием:

3. Возвращающиеся

Янцзы сказал однажды в утешенье другу ясно
О том, чтоб за всю жизнь свою он смерти не боялся:
- «Представь ты только, как для древних смерть была прекрасна!
Достойно уходили все, кто с жизнью расставался.
Во времена те отдыхом была смерть для достойных,
Для недостойных же была она, как ниц паденье,
Смерть, как конец всех свойств, пристойных или непристойных,
Считалась, как к своим первоначалам возвращенье.
Все древние «вернувшегося» мёртвым называли,
Живого – «странствующим», и за жизнь его молились.
И если странствующие вернуться забывали,
То по понятиям древних бездомными становились.
Когда ставал бездомным кто, его все порицали,
Как человека, дом покинувшего, своих близких,
Со временем, кто знал его, знакомство отрицали,
Считая отщепенцем иль изгоем или низким.
Того, кто в положении семью оставлял трудном,
Уйдя бродить по свету, бросал дом, не возвращался,
Безумным непременно называли, безрассудным,
За ним позор такой потом на жизнь всю оставался.
Но были в древности, кто тело, жизнь свою ценили,
Способностями, мастерством, умом своим хвалились,
И создавая себе славу, прочих хоронили,
Забыв смерть, именем перед живущими кичились.
Их люди умными и дальновидными считали,
Но кто был прав из этих всех, судить об этом сложно.
Одних хвалили все при том, других же осуждали,
Мудрец лишь знал, кого судить, кого одобрить можно».
Когда спросили Гуань Чжуна все о ритуале:
- «Как «возвращающихся» в путь последний провожают»?
Он молвил: «Всё равно мне – сожгут тело ль закопают,
Зависит разве от меня в конце жизнь иль в начале?
Пусть тело под открытым небом для ворон оставят,
В пруду утопят, с хворостом сожгут на огне ярком,
Иль перед всеми, в саван обрядив, в гробу поставят,
От этого не будет мне ни холодно, ни жарко.
Ведь тело наше в жизни всего только оболочка,
Мы рано или поздно себя в мире проявляем,
А смерть дана нам, как перед обновленьем отсрочка,
Мы не уничтожаемся все и не исчезаем».

А ведь он прав, - подумал я, - так как мы являемся не нашим телом, а всего лишь духом. Когда человека временно покидает сознание, то его тело бессильно, а если совсем его оставляет, то это тело уже никому не нужно, так как оно уже не может принадлежать нам, а другим людям - и подавно - ни к чему, поэтому от него стараются быстрее избавиться. Всё, что имеет человек, это – его душа. Она бесценна и принадлежит только человеку. Эта душа и делает

человека человеком. Ею никто другой не может овладеть, как телом, она всегда останется с человеком, если даже он потеряет своё тело, и она продлит его жизнь в новом народившемся теле, ибо она всегда возвращает человека к жизни. По поводу этого возвращения Ле-цзы сказал так:

4. Возвращение

В былых преданиях о Жёлтом Предке говорится:
«Движеньё формы, ведь не форму, тень лишь порождает,
В движенье звука, не звук, эхо может появиться,
Движеньё небытия бытие собою проявляет,
А форма тела это – то, чему конец настанет.
Придёт конец Вселенной ли, того никто не знает,
Предположить лишь можно нам, что после смерти станет.
Закончится ли Путь, если начала не имеет,
Все вещи бытием во времени не обладают,
Живущий каждый в мире своей жизнью не владеет,
Имеющие форму - форму все свою теряют.
Всё неживое, собственно, не то, что раньше жило,
Форму хранящее - не то, что формой обладало,
Отжившее всё в мире покой вечный заслужило,
В живых оставшееся - жить не может, как попало.
Кто хочет вечно жить - границ естественных не знает,
Всю силу жизненную он от Неба получает,
Скелет с костями, тело всё земля ему рождает,
Он вечным светом заряжён, и свет сам излучает.
Всё его чистое при смерти к Небу возвратится,
Как жизненная сила, его форму покидая,
Разъединившись, мутное, с землёй соединится,
Своё всё к подлинному состоянью возвращая.
Умерших возвращенье так на Небо происходит,
Когда душа, покинув тело, в небеса стремится,
И там свой подлинный дом к радости своей находит,
И чистоту, где очищается, чтоб вновь родиться».

Один даос, стоявший рядом с ними, сказал мне:

- Так как мы все - даосы, и получили определённые знания, то мы всегда способны вернуться к жизни путём этих знаний. Знание и есть наше совершенное оружие, которое мы можем применять в Недеяние. Как-то в беседе с философами мы коснулись темы проникновения в Истину, затронутую в тридцать шестой главе трактата Лао-цзы «Дао-де цзина», где говорилось об описании характера и последовательности волевых устремлений человека в целях раскрытия в себе света Истины, и я уяснил для себя: «Прежде стремления к входу необходимо утвердиться в росте. Прежде стремления к расслаблению необходимо утвердиться в напряжении. Прежде стремления к запрещению, необходимо утвердиться в разрешении. Прежде стремления к овладению, необходимо утвердиться в отдаче. Таково свидетельство о тончайшем свете. Мягкость и расслабление побеждают твёрдость и напряжение. Рыба не может обнажиться из пучины. В государстве острые орудия не могут быть явлены людям».

Когда философы спросили меня, как я понимаю эту главу трактата Лао-цзы, я сказал:

- Совершенный человек стремится к истине, но человеку, стремящемуся вдохнуть в себя Истину, следует твёрдо встать на путь духовного роста. Только после того, как человек проявит твёрдость в своём духовном развитии, Истина войдёт в него и станет его дыханием, жизнью. Также расслаблению, открытости, непротивлению высшему началу должно предшествовать укрепление и напряжение всей воли человека. В противном случае состояние расслабления

обернётся против него просто слабостью перед лицом тёмных сил, и вместо совершенной личности получится крайне уязвимый и, в конечном итоге, душевнобольной человек. Свобода поиска, без которой человек рискует увлечься какой-либо системой догматов (на интеллектуальном уровне) или прижаться ложному аскетизму (на физическом и психологическом уровне). Только свободный поиск даёт возможность человеку выработать в себе правильную позицию для отрицания ложного. Достижение Дао невозможно без твёрдой решимости отдать ему себя. Отдав себя, человек получит больше, чем его отдельная личность. Об овладении Дао засвидетельствует тончайший свет, которым проникается человек на этой высочайшей ступени духовного роста. Когда достигнуто состояния света, все начальные качества, необходимые для достижения более высоких состояний, оказываются преодолёнными. Для человека, проникнувшегося в Дао, также невозможно и губительно сбросить с себя это состояние, как рыбе покинуть водную стихию. Приобретается и ещё одно свойство: человек уже больше не может являть людям какие-либо особые способности (острые орудия), так как это противоречит его гармоничному слиянию с Дао.

Выслушав мои толкования главы, философы их одобрили, но предупредили, что вхождение в Дао в силу своей необычности подобно вхождению в бурный поток реки, поэтому для слияния с потоком необходимо проявлять полное доверие стихии и искренность. Поэтому Ян Чжу рассказал свою притчу:

5. Искренность

С учениками в царство Лу Конфуций возвращался,
На берегу реки коней распрягли и поили,
Но на пути их им огромный водопад попался,
Река бурлила там водоворотом на две мили.
Конфуций с берега на воду, стоя, загляделся,
Был поражён, что кто-то переправиться собрался –
Вброд реку перейти. Стоящий человек разделся,
Конфуций силою безумца задержать пытался.
- «Подумайте! Трудна насколько будет переправа,
Здесь даже рыбы переплыть на берег тот не смогут,
Лишать безумно себя жизни так - у вас нет права,
Случись что, то спасти усилия наши не помогут».
В ответ на это лишь всего безумец улыбнулся,
И, отстранив его с дороги, низко поклонился,
Вошёл легко в водоворот, в пучину окунулся,
Чуть погода, на берегу другом вдруг появился.
Сказал он, как входить и выходить из водопада:
- «Доверенность и преданность к воде кто проявляет,
Тому любая по плечу становится преграда,
Так как любой воды к себе расположение знает.
И своё тело на любой волне так расположит,
Что, за теченьем следуя, вреда ей не наносит,
Он со всей искренностью своей сблизиться с ней может,
И ничего в то личного движенье не привносит».
Сказал Конфуций, всем кивнув ученикам главою:
- «Учитесь действовать все с преданностью и доверьем,
Уж если с искренностью можно сблизиться с водою,
Тем более – с человеком уж, кто одержим неверьем».

После этого Ян Чжу сказал:

- Любое путешествие является большим испытанием для человека. Но главное его испытание – это путешествие в самого себя, проникновение в свою природу. Главное же в постижении природы – это углублённость в её сущность. А для этого нужно особое проникновение, которое не каждому дано. Все мы способны видеть мир, но не все можем проникнуть в его тайну. Лишь те, кто обладает особенностью видеть в скрытом причину сокровенного, может считать себя носителем Истины. И в подтверждение этих слов Ян Чжу рассказал свою притчу об истинном погружении в Дао:

6. Осторожность

Войска царя в сражение полностью врага разбили,
Царь ждал известия и результатов от похода,
В плен взяли многих, два города главных захватили.
Послал князь с донесеньем о победе скорохода.
Но царь сидел среди приближённых в искренней печали,
Когда его придворные спросили о причине,
Сказал он с грустью: «Не к добру успех такой вначале,
Боюсь, как бы всё царство не приблизилось к кончине.
Ведь солнце наше лишь на миг зенита достигает,
Два главных города взять сразу за одно сражение –
Больших столько деяний в один день разве бывает?
Уж не грозит ли от победы всем нам поражение?»
Сказал Конфуций, услышав такое замечанье:
- «Вот как род царский благоденствует и процветает,
Ведь потому и процветает, что весь - в отчаянье,
Кто радуется пустякам всем - быстро погибает.
Ведь трудность вся не в том, чтоб победить на поле битвы,
А в том, чтоб удержать победу для всех поколений,
И ради будущего стоит возносить молитвы,
Чтоб будущие поколения не погрязли в лени».
Конфуций силой мог поднять засов ворот столичных,
Но не показывал, что может, славы не желая.
Тот только, кто удерживать победу может лично,
Достойней всех, так свою силу слабостью считая.

И ещё одну притчу рассказал мне Ян Чжу, заметив при этом, что проникновение в Истину даётся не каждому, а лишь тем, кто посвящает этому всю свою жизнь, и привёл ещё один случай из жизни народа:

7. Проникновенье

Царь Цинь седому знатоку коней дал порученье:
- «Пошли на поиски коня кого-то помоложе,
Ты стар, и долгие поездки для тебя – мученье,
Есть мастера ведь, в лошадях кто понимает тоже».
Тот конюх рек: «Способности у сына небольшие,
Хорошего коня найти вам он, наверно, сможет,
Но в нашем случае нужны способности иные,
Я знаю знатока коней, который нам поможет».
Знаток коней на поиски по всей стране поехал,
Повсюду слышал он, что где-то бродит конь чудесный,
Найти его чтоб, до границ империи доехал,
И отыскал - конь самым лучшим был из Поднебесной.
Чудесный конь! Его как ветром по степям носило,
Весь день за ним гонялись, только к вечеру поймали,
Спросил царь: «Что нашёл?». Сказал: «Каурю кобылу»,
Царю же вороного жеребца те показали.
Царь опечалился и вызвал конюха седого,
Никак уразуметь не мог, что это означает,
Спросил его: «Где ж отыскал ты знатока такого?
Ни масти он, ни пола у коней не отличает».
Услышав речь царя, воскликнул конюх в восхищенье:
- «Ах, вот чего достиг он, превзойдя меня в познание!
Он полным овладеть искусством смог проникновенья
В мельчайшие природы семена, впад в созерцанье.
Поверхностного, познав сущность, он не замечает,
Ушёл во внутреннее, предав внешнее забвению.
И видит только суть того, что взором наблюдает,
Исключено всё, что ему не нужно в наблюденье.
Я думаю, что вам послужит этот конь чудесный,
В нём всё есть, что было утрачено, и что сокрыто,
Он отыскал вам лучшего коня из Поднебесной,
Искусство поиска коней, как видно, не забыто».

Затем Ян Чжу сказал:

- Но каким бы проникновением человек не обладал, всё равно, ему сложно в жизни уклониться от неизбежного, потому что природа умнее человека. Поэтому жизнь человека хрупка и даже проникновенный разум не подготовлен к неожиданностям. Иногда случай меняет всё в жизни, и его невозможно предусмотреть. Поэтому часто говорят о судьбе и неотвратимости рока.

По этому поводу Ле-цзы высказал своё суждение такой притчей:

8. Рок

Жизнь сохраняется не потому, что её ценят,
Стаёт здоровье лучше не потому, что берегут,
Никто срок роковой исчезновенья не отменит,
Не избежит никто кончины, когда года придут.
Однако жизнь не оттого безвременно теряют,
Что все не дорожат ею, иль смерти не боятся,
Собой рискуют, но опасности переживают,
Болезнь не оттого, что не умеют сохраняться.
Есть те, кто ценит жизнь, но смерть их всё-таки находит.
Есть, презирают жизнь, но всё-таки не умирают,
Есть, берегут здоровье, но безвременно уходят.
Опасность избегают, есть, но всё же погибают.
Как будто бы, желанью вопреки, всё происходит,
Но в мире нет случайности, а это означает,
Что сами по себе живут все, сами умирают.
Всё по себе само идёт и из себя исходит.
Само со всеми в мире происходит улучшение
Сомненьям вопреки, и всех несчастий ожиданью,
Само со всеми также происходит ухудшение,
Ничто не соответствует чьему-либо желанью.

Иногда возникает вопрос: «В чьих же руках наша судьба? В руках природы, случая или же - в наших собственных руках»? В чём заключены причины нашего выживания? Происходит ли скоротечность жизни от наших болезней и старения»? И тут опять Ян Чжу сказал такие слова:

9. Выздоровление

Цзы Лян, друг мудреца Ян Чжу, больным лежал в постели,
Прошла неделя, улучшения не наступало,
Все сыновья и день, и ночь вокруг него сидели,
Больному от вниманья ещё хуже их ставало.
Цзи Лян сказал как-то Ян Чжу во время посещения:
- «Каких я неразумных сыновей в семье имею,
Ты не споешь ли что-нибудь сейчас им в поученье,
Я сам бы что-нибудь им спел, да вот ещё болею».
Запел мудрец Ян Чжу: «Что и природа знать не может,
Откуда человеку знать, что знаем мы с тобою,
Ведь выхода же нет, уж если Небо не поможет,
Не знают лекарь и колдун того, что знаем двое».
Но сыновья не поняли, и на дом пригласили
Трёх лекарей, которые средь всех были известны,
В округе средь врачей им равных не было по силе,
Они были светилами среди врачей всех, местных.
Один сказал, сжав пульс, жар с холодом неравномерны,
Больной не сам, от недовольства душ предков болеет,
Если не вылечится быстро, то умрёт, наверно,
Но, не смотря на осложненья, хворь он одолеет.
Цзи Лян увидел всё, и лекаря прогнал поспешно,
Второй сказал, что у больного силы в истощенье,
Он в детстве молоко пил матери до пресыщенья,
Болезнь он постепенно вылечит ему успешно.
Цзи Лян сказал: «Хороший врач, душа его открыта,
К природе ближе он стоит, и что-то понимает».
Велел он домочадцам накормить его досыта.
Вот третий лекарь шупает пульс, головой качает:
- «Ни Небо к хвори сей, ни человек, ни предков души,
Ни что другое в мире отношения ни имеют,
Все шесть отверстий организма: ноздри, рот и уши
Функционируют всё ещё в теле, хоть стареют.
Болезнь природная, ещё родившаяся с телом,
Закон естественный природы ею управляет,
Она как призрак в теле фоном, чёрным или белым,
Но вот когда пройдёт она, никто того не знает.
Чтоб вылечить болезнь, не создали ещё той школы,
Поэтому всяким обманщикам не доверяйся
Чем же помогут все лекарства тебе иль уколы?
И если хочешь жить, то на природу полагайся».
- «Врач проникательный!» - Цзи Лян воскликнул восхищённо,
И щедро наградив его, по-дружески прощался.
Болезнь прошла сама, и все вздохнули облегчённо,
С тех пор Цзи Лян лишь на природу в жизни полагался.

И я подумал, что, даже обладая хорошим здоровьем, можно умереть не от болезни, а от других обстоятельств, например, от неправильного образа жизни. Говоря с мудрецами о скоротечности жизни, мы не могли не затронуть тему недовольства человека своей жизнью, отчего часто случаются конфликты, сокращающие и так не очень долгую его жизнь. И Чжуан-цзы по этому поводу высказал своё суждение:

10. Правда жизни

Учащийся-даос Бо Цзюй просить стал разрешенья
У Лаоцзы: «Дозволь мне странствовать по Поднебесной».
- «Оставь, - сказал ученику учитель в раздраженье, -
Ведь Поднебесная везде простёрлась повсеместно».
Но ученик настаивал, всё просьбу повторяя.
- «Откуда ж ты начнёшь? – в конце не выдержал учитель,
- «Начну я с царства Ци, - сказал тот ученик, вставая,
Я знаю те места, знаком мне также тот правитель.
Приду туда, казнённого увижу, рядом встану.
Сниму с себя одежду всю и на него одену,
Оплакивать его вслух, призывая Небо, стану,
И голову посыплю пеплом, руки вверх воздену.
«Сын мой, сын мой, - начну кричать, - ты жертвою пал первой,
Великое ведь бедствие страну нашу постигло,
“Разбойником не становись на пути смерти верной”, -
Так говорят в народе, но беда тебя настигла.
С тех пор как возвели в закон страны позор и славу,
Товары и имущество копить все дружно стали,
Пороки родились, карать чтоб, создали управу,
Пошли суды, преступников казнить не уставали.
Возводят ныне всё в закон, что всех ожесточает,
Ведут тяжбы в судах, людей до крайности доводят,
Народ на все законы эти бунтом отвечает,
Кругом идёт вражда, люди покоя не находят.
Но как же можно нам предотвратить все злодеянья?!
Во зле государи раньше себя только винули,
За благо людям воздавали лишь хвалу, признание,
Себя ругали, а народ весь за доброе хвалили.
Всё истинное видели государи в народе,
А заблуждения – в себе, и лишь себя корили,
Трудились в поте, отдавали все себя работе,
Себя лишь порицали и из жизни уходили.
Во власти ныне же всё по-иному происходит,
Событие скроют, кого-то за глупость обвиняют,
Ряд целей невозможных ставят, виновных находят,
Всех порицают, всю ответственность с себя снимают.
За то, что не справляются, дают всем наказанья,
Возложат тяжкие обязанности и карают,
Пошлют дорогой дальней, и казнят за опозданье,
При этом всех в отсутствии смелости осуждают.
И с каждым днём всё больше лицемерия у высших,
Как же не могут люди и мужи не лицемерить?
Ведь всё - во лжи от самой власти до устоев низших,
Где брать критерии, чтобы все ценности измерить?!
Все люди, зная, что в работе сил им не хватает,
Притворством заменяют их, также обманом - знанья,

Когда добра недостаёт всем, грабить начинают,
Кого же обвинять за кражу, где нет понимания»?

Услышав слова Чжуан-цзы, я покачал головой и высказал такие мысли: «Только тогда начинаешь задумываться о многозначности смысла жизни, когда попадаешь в беду, и задаёшь себе вопрос: «А правильно ли мы живём? На Востоке жизнь всегда была искусством, потому что в смысл жизни вкладывалось всегда много значений. На Востоке не существовало религий, так как все застывшие религиозные доктрины не подходили и не отвечали бурно несущемуся потоку самой жизни. Конечно же, имелись некоторые буддийские жизненные установки, но все они носили лишь прикладной характер. Мудрецы Востока, особенно даосы, не отягощали себя укоренившимися представлениями любомудрия восточных мистиков, толкующих о вечных истинах добра и зла, жизни и мироздания, потому что они держали руку на пульсе самой жизни и Истины, и знали, что в мире ничто не бывает однозначным. Они снисходительно смотрели на других мудрецов Индии и Китая с их известными восторгами ума, постигающего сокровенную суть бытия, и считали, что в Китае, этой стране «ста философских школ» с морем литературы, колоссальными завалами терминов и категорий, выражающих тончайшие оттенки смысла и мысли, не находилось объяснения понятия самой жизни. Тщательно разработанные конфуцианцами категории долга, справедливости, гуманности никак не могли полностью отвечать всем требованиям жизни, так как они смотрели на жизнь под множеством самых различных углов зрения в той подвижной перспективе, как это делали в своих изображениях китайские живописцы. Все философии «ста школ» с их продиктованными приёмами и правилами, подобно рецептам поведения в определённых ситуациях, с их точки зрения, разбивались о саму жизнь, так как жизнь ими осознавалась как таинство, дарованное человеку свыше Небом и природой. И они считали, что об этом лучше молчать, чем говорить. Ведь любой самый проникновенный мудрец оставался человеком, а человек не способен стать умнее природы и до конца проникнуть в её тайны. Единственное, что остаётся делать человеку, - это наблюдать за изменениями, происходящими в мире и в самом себе. Поэтому мудрец не берёт на себя задачу разрешения всех мировых вопросов, так как многие из них находятся в ведении небесных сил. Мудрец должен заниматься земными вещами, он может быть знахарем, педагогом, политиком, но главное, что он обязан уметь делать – это понимать жизнь и соответствовать переменам, происходящим в мире, путём Недеяния. В основе этого стремления в первой четверти первого тысячелетия возник определённый стиль поведения даосов, способных улавливать дуновение Ветра Вселенной и следовать в его потоке вместе со своим личностным «я», совершать своего рода эманацию духовного существа человека. Благодаря этому «ветру и потоку» - ## «*фэнлиу*» можно было явить миру своё постоянно трансформирующееся «я», освобождённое от оков обыденности и предрассудков стандартной морали, стать знаменитостью ## «*мин ши*», не сковывающего себя в проявлении собственной индивидуальности, и не подчиняться общепринятым меркам. Именно такие люди из своей жизни и могут творить искусство, как понял я ходе своих жизненных наблюдений. Но для того, чтобы овладеть этим искусством, прежде всего, необходим покой.

Чжуан-цзы согласился со мной и сказал о Великом Покое так:

11. Великий покой

Себя сам знанием мелкий человек не утруждает,
И не выходит за пределы принятых писаний,
Лишь лёгкими препятствиями ум свой загружает,
Но хочет проникать легко в суть сокровенных знаний.
Желая помогать вещам в Великом Единенье,
Как верхогляд, первоначала он совсем не знает,
Стремится всё использовать для тела очищенья,
Трясаясь над телом, по Вселенной ум его блуждает.
Другой же, настоящий человек, своё вниманье
И разум острый к безначальному лишь обращает,
Он сладко всегда дремлет в забытье и Недеянье,
Его ум, сравнить с мелким человеком, отдыхает.
Подобен он воде спокойной в вечном отрешенье,
Которая течёт, сопротивленья не встречая,
Без формы, сквозь чреду просачиваясь преграждений,
И в чистоту великую проходит, проникая.
Но как печально знать, что обращая свои знания
На мир весь, мы не познаём Великого Покоя,
Нас обрекают поиски на вечные блужданья,
Для Истины всегда мы - в положении изгоя.

Я понял, что это предупреждение Чжуан-цзы тесно связано с тем, что человек пытается приобретать какое-либо оружие, будь то остро оточенный ум или гипертрофированные мышцы, и постоянно забывает, что острое оружие ## «*лицу*» вредит человеку и даже приводит его к гибели. По этому поводу Чжуанцзы, услышав мои мысли, заметил:

12. Оружие

Необходимое необходимым не считает
Мудрец, поэтому оружием не обладает.
Необходимым не необходимое имеет
Глупец, поэтому многим оружием владеет.
Послушен он оружию и в ход его пускает,
Но гибнет всё равно, оно ему не помогает.

Услышав его слова, я заметил, что можно также развивать в себе какое-нибудь умение, но, прежде всего, необходимо подумать, нужно ли это умения тебе? И по этому случаю Чжуан-цзы высказался так:

13. Убийца драконов

Пимань три целых года у Чжили был в обученье,
Учился убивать драконов, приобрёл умение,
Через ученье его семья впала в разоренье,
Но своему искусству не нашёл он примененья.

Понимая эту притчу, я сказал: «Человек, вставая на путь совершенства, должен учиться думать и просчитывать своё будущее. От чего-то он должен отказываться, чтобы не распылаться и добиваться поставленной перед собой цели или задачи. В мире очень много соблазнов, поэтому самым трудным для человека является отказ от чего-либо. Всё, что есть в мире, совершенный человек имеет в самом себе, и даже в последний путь он собирается как на встречу со своей родиной, ибо он является частью Единого Целого»

И об этом Чжуанцзы в другой своей притче сказал:

14. Отказ Чжуан-цзы от похоронов

Звал из всесильных некто Чжуан-цзы к себе на службу,
Посланцу отвечал мудрец на это приглашение:
- «Я благодарен столь Его Величеству за дружбу,
Но не способен я служить ему, прошу прощенья.
Вы видели, как быка жертвенного наряжают
В узорчатые ткани, травой кормят и бобами,
Но вот когда в торжественный момент он в храм вступает,
Свободно он не сможет уж пастись между холмами».
Чжуан-цзы лежал при смерти, и ученики собрались,
Устроить ему похороны пышные решили,
Мудрец же воспротивился, когда все вместе были,
Сказал: «Не будет похорон, чтоб не сопротивлялись!
К чему всё это?! Небо я считаю саркофагом,
И тьму существ земных – моей толпою провожатых,
А землю – гробом, свет луны и солнца – высшим благом,
На звёзды буду я смотреть, как на моих вожатых.
Хочу, чтоб было всё на похоронах сих совершенно».
- «Боимся, что склюют вороны без захороненья!»
- «Ну что ж, там или здесь пойду я в пищу непременно,
Отняв у воронов, червям дадите предпочтенье».

После этих слов я ему возразил, сказав: «Люди, желающие многого, и не привыкшие в жизни ни в чём себе отказывать, часто терпят поражение, потому что, концентрируясь на чём-то определённом, они теряют ориентацию в мире, и не способны наблюдать за изменениями, происходящими вовне». И об этом тоже говорил Чжуан-цзы:

15. Почему цари отказывали Конфуцию

Спросил Айгун, царь лусский, у даоса Яна мнение:
- «Считаю мудреца Конфуция я даровитым,
Не будет ль лучше при Конфуции моё правленье»?
Дал тот царю ответ, подумав, со смиренным видом:
- «Опасен он. Беде быть. Всегда верит он в поверья,
Цветисто речи говорит всегда при деле срочном.
И разрисовывает даже он фазаныи перья,
А вместо главного всегда печётся о побочном.
Народ наш он ученьем терпеливо поучает,
Не слышит никого и, мудрецом себя считая,
Людей не знает, также никому не доверяет.
Глух к мненьям умных, свои мысли лишь воспринимая.
В его речах разумности давно уж нет в помине,
От сущности велит всему народу удалиться,
Лишь лицемерию народ с ним может научиться,
Это - не то, чему всех поучать следует ныне.
Я думаю, стоять он над народом не достоин,
Своим умом он управляет, не умом народным,
Уж лучше дать отказ, пока он ничего не стоит.
Лишь можно по ошибке нам считать его пригодным.
Поэтому от службы его надо отказаться,
Беды натерпится народ наш под его правленьем.
И если нам сейчас решительно с ним не расстаться,
Достанется забот последующим поколениям».

После этого Чжуан-цзы сказал: «Самое главное, что должен человек сохранять в себе, – это естественность. Только тогда человек будет от всего свободным, когда будет следовать своим естественным мыслям и желаниям». Об этом он говорил так:

16. Естественность

Чтоб жертвенный сосуд создать, часть дуба отрубили,
И в мастерской орнамента достигли превосходства,
Обрубок вместе с мусором в канаву завалили,
И красотой одно стало, другое ж – уродством.
Свою природу так сосуд с обрубком потеряли,
Такое часто разделение и с людьми бывает,
Кого-то опускали вниз, кого-то возвышали,
Но люди одинаковой природой обладают.
К утрате всей природы нас ведут пять изменений:
Услада музыкой слух человека притупляет,
А любованье красками лишает людей зренья,
Пристрастье к ароматам обонянье ослабляет,
Меняют пряности все вкусовые ощущения.
Врагами жизни и природы всё это являясь,
В нас губит изначальное, что пылью разлетаясь,
Сердца приводят неприязню с пристрастьем в смущенье.
А тут ещё Ян Чжу с Мо Ди вдруг стали отделяться,
Считая, что в своих ученьях Истину открыли.
Негоже от природного всего им отдаляться,
Но, видно, оба про суть изначального забыли.
Как обрести всё истинное можно, отдаляясь
От сути всех вещей тех в мире, что нас окружают.
И полагать, в иллюзии обмана забываясь,
Что Истину они все в заблужденьях обретают.
Когда сова или голубка в клетку попадают,
И жизнь их в сытости, довольстве, неге протекает,
Ещё не значит, что они тем счастье обретают.
Как раз все в тюрьмах существа несчастными бывают.
Так и мыслители, свои системы создавая,
Ум в замкнутости их там долгие часы проводит,
Считают, что правы, свои идеи защищая.
Несчастливы, когда видят, что от Истины уходят.
Пристрастье, неприязнь – от внутреннего ограждение.
Приукрашенья – отгораживание во внешнем.
Зачем свободному уму нужны ограниченья,
Когда не ограничен мир одним мирком лишь здешним?

После этого Чжцан- цы сказал ещё: «И наконец, для даоса основным смыслом жизни является обретение духа. Дух делает его причастными к вечности». Об этом он говорил так:

17. Путь – это дух

Жизнь человека меж землёй и небом протекает,
Её бег мимолётный, человек, не замечая,
Стремительно являясь в мир, внезапно исчезая,
В развитии зарождается, в развитии умирает.
Животные о смерти всех не ведают печали,
Лишь люди не находят по умершим утешенья,
Они жалеют в мире всех, кого бы ни встречали,
Кто отправляется в великий Путь свой возвращенья.
Бесформенное форму создаёт - все это знают,
Родит Форма бесформенное – тоже всем известно,
Лишь тот, кто в Путь пустился, никогда не умирает.
Путь – это Дух, что проникает в формы повсеместно.
Обычным не руководствуется мудрец суждением.
Того, как Путь находит, он ни с кем не обсуждает.
Его взор пронизательный виденьем обладает,
Он называет Величайшим то Приобретеньем.

Как только я познакомился с этими высказываниями Чжуан-цзы о духе, то тут же перед моим внутренним взором возник текст моего учителя Цзи Юня, который в своем писании «Великое в малом» говорил так:

18. Овладение не принадлежащим

Учитель Чжо Хэншань однажды в молодые годы
Лежанку себе сделал в опустевшем общежитье
На озере Сиху, заброшенном среди природы,
Ученью предаваясь, погружал свой дух в Небытие.
Раз как-то ночью в комнате той шорох он услышал,
Как будто кто-то там к нему подкрадывался рядом,
- «Ты дух или лиса»? – спросил сердито он и вышел
Из комнаты в пространство между зданием и садом.
- «Зачем меня тревожишь в этом месте, окаянный,
Или желаешь, чтобы из тебя я душу вынул»?
- «Я - дух и вместе с тем лиса», - услышал голос странный
Из комнаты, которую он только что покинул.
- «Но так не может быть, - сказал он, почесав за ухом,
Не можешь быть ты духом и лисой одновременно».
- «Но так это случилось, что я стал лисой и духом,
Даже такое ведь случается обыкновенно».
Услышав то, учитель тут в молчанье погрузился,
Затем послышалось в ответ такое объяснение:
- «Вообще-то я семьсот лет здесь назад лисой родился,
Но был убит своими за бессмертье постижение.
Скопил я сокровенную эссенцию бессмертья,
Но лисы из моей родни украсть её решили,
Когда достиг уже я тренировкой долголетия,
Они все сообща меня схватили и убили.
И вот душа моя на перепутье здесь застряла,
И стал лисы-покойницы я духом убиённым».
- «Но почему душа ваша судье не рассказала
О преступлении в Подземном царстве, потаённом»?
- «Обычно все бессмертья тренировкой достигают
Дыханья (1), как и комплексом телесных упражнений,
Они все слиты, заключёнными в себе бывают,
Никто не может их отнять без повреждений.
Когда же эликсир из составных частей составлен,
Его можно отнять, ведь он не часть тебя являет,
Ведь так он ненадёжно сутью в твою сущность вплавлен,
Поэтому, воспользовавшись, жизнь так отнимают.
У соблазнённых (2) забирая жизнь для накопления,
Я этим актом причинила всем им вред смертельный,
Убить виновного в смерти других – не преступление,
Поэтому и не был жизни срок мой беспредельным.
И если я пожалуюсь судье на преступление,
То он, являясь добрым духом, просьбе удивится,
Я знаю, не в мою он пользу вынесет решение.
Так лучше в этом мне укрыть продолжаться томиться».
- «И чем вы занимаете себя, здесь поселившись»? –
Спросил учитель, откровением лисы задетый.

- «Я прячу своё тело от людей всех, удалившись,
И приглушаю звуки, чтоб не слышно было где-то.
Я закаляю оболочку тела лунным светом,
Который силой «инь» моё всё существо питает,
Мне нестерпимо днём быть, светом солнечным согретым,
И рядом с вашим телом, силу «ян» что источает.
Поэтому прошу вас (чтобы вы не обижались)
Расстаться здесь со мной, и этот дом мне предоставить,
Хочу, чтоб здесь живой и мёртвый в доме не встречались,
Так я могу просить вас завтра этот дом оставить»?
Дух лисий замолчал, и слышалось одно рыдание.
Учитель ещё раз заговорить с лисой пытался,
Но всё затихло, воцарилось лишь в ответ молчанье,
С рассветом утренним он в доме больше не остался.
А позже он ученикам сказал своё суждение:
- «Тот, не принадлежащим кто ему овладевает,
Владеть не может им, на смерть себя сам обрекает,
И это страшно! Но есть в этом предопределение».

Примечание

1. Тренировка дыхания – даосы считали, что с помощью дыхательных упражнений, можно продлить жизнь.

2. Эссенцию жизни добывать у соблазнённых – даосы считали, что «жизненная энергия» мужчин (ян) увеличивается от половых сношений с женщинами, и что в «сокровенной эссенции» женщин содержатся элементы, необходимые для получения эликсира долголетия. Народные верования наделяли лис способностью красть у соблазнённых ими мужчин эту «жизненную энергию».

Забегая вперёд, скажу, что когда я рассказал этот случай своим ученикам и друзьям, встретившись с ними в Звёздном Океане, то они единогласно решили покинуть далёкие сферы звёзд и через планетные небеса и лунный свет возвратиться в солнечный мир Земли. При этом Громовая Собака спросила меня:

- А сможем ли мы вернуться в мир живых?

Я ответил:

- В мире живых остались наши неповреждённые тела, поэтому вернуться в них нам не составит особого труда. Тем более что в мире мёртвых мы пробыли лишь одно мгновение, иными словами, один миг, пока длилось новолуние. Это как – вдохнуть в себя воздух, а потом его выдохнуть. Но мы смогли провести время пребывания в мире мёртвых с пользой для себя, ведь мы познали столько интересного под звёздами в беседе с нашими почившими учителями.

Все обратили свои взоры на небо, где вечно сияла звезда Полис созвездия Стрельца.

Но это было в уже будущем, и нам предстояло ещё долгое время странствовать по Небесной реке Млечного Пути.

Звезда Полис (Мю) созвездия Стрельца

Звезда третьей величины. Координата — 3°13' Козерога. Слуги — Солнце, Юпитер, Меркурий. Хорошая звезда, дает честолюбие, успех, счастье на родине. Устойчивые связи, прочную семью. На MC — покровительство родителей, старшие всегда помогут. Соединение с Марсом или Меркурием — раньше считалось, что это дает искусство верховой езды и владение лошадьми. В наши дни это скорее хороший водитель или человек, имеющий много машин. На границе IX дома — эмиграция, дом на чужбине. На границе XII дома — тайное место житель-

ства или дом в уединении, в глухом лесу. Человека тянет на дачу, к сельской жизни, в городе ему плохо. В соединении с Луной — единственное плохое место этой звезды — дает скрытые либо позорные болезни.

Пу Сун-лин, глядя на звезду, сказал:

- Мы покидаем Луну, оставляя покои лунной богини Чанье.

- Но я не смог встретиться с ней, - заметил я, - чтобы засвидетельствовать ей своё почтение.

- Это не обязательно, - ответил Пу Сун-лин, - последнее тысячелетие царица Чаньэ спит крепким сном в своей опочивальне. А хотите, я расскажу вам историю, связанную с её именем и обретением ею лунным владением?

Я согласился, и он рассказал мне всю подноготную её воцарения на Луне:

19. Чанъэ

Цзун Цзымэй, уроженец Тайюаня в Шаньси, вместе с отцом ездил учиться в разные уголки мира, а затем приехал в Янчжоу, где и остался. (#####).

У отца Цзымэя были отношения с женщиной по имени Лин, которая жила под Красным мостом. (#####). Однажды, когда Цзун Цзымэй и его отец проходили мимо Красного моста, они случайно встретили госпожу Линь. (#####). Она неоднократно приглашала их к себе домой на чашку чая и беседу. (#####). Когда они подошли к дому, то увидели стоящую рядом красивую девушку, и Цзун Вэнь высоко оценил её. (#####). Она сказала: «Ваш сын - нежный и ласковый, как большая девочка. Если вы не против, как насчет того, чтобы выдать за него замуж мою дочь»? (#####“#####”)? Цзун Вэнь улыбнулся и призвал своего сына быстро поприветствовать её, сказав: «Ваши слова стоят тысячу золотых»! (#####“#####”)! Оказалось, что госпожа Линь жила одна, и эта девушка вдруг сама пришла к ней в дом и рассказала о своём одиночестве и несчастье. (#####). На вопрос, как её зовут, она ответила, что её зовут Чанъэ. (#####). Госпожа Линь любила и жалела её, поэтому оставила у себя, но на самом деле она взяла Чанъэ ради любопытства. (#####). Цзун Цзымэй в то время было всего четырнадцать лет, и когда он увидел Чанъэ, то обрадовался и подумал, что его отец обязательно найдёт сватов, чтобы обручить её с ним; но когда он вернулся, отец, казалось, забыл об этом. (#####). Цзун Цзымэй почувствовала жгучее беспокойство в сердце и тайком рассказала об этом матери. (#####). Когда его отец узнал об этом, он сказал: «Я пошутил с госпожой Лин. Она не знает, за сколько золота она продаст эту дочь, как можно сказать, что это так просто».(#####“#####”).

Через год оба родителя Цзун Цзымэя скончались. (#####). Но Цзун Цзымэй не мог забыть Чанъэ, и когда он уже почти завершил свой траур, он попросил госпожу Линь выдать за него замуж её дочь. (#####). Когда она сначала отказалась, Цзун Цзымэй сердито сказал: «Я никогда в жизни не гнул спину, но почему вы думаете, что моя искренность ничего не стоит? (#####“#####”?). Если вы откажешься от своего прежнего обязательства, вы должны хотя бы оценить искренность моих сложенных рук». (#####“#####”). Тогда почтенная госпожа Линь сказала: «В прошлом это было обещано в шутку твоему отцу, и, возможно, так оно и было. (#####“#####”). Но в то время это не было официально согласовано, и с тех пор об этом забыли. (#####). Теперь, когда ты всё это подробно рассказал, хочу ли я по-прежнему отдать свою дочь замуж за принца? (#####). Я каждый день так красиво одевала её, надеясь получить взамен тысячу лянов золота». (#####). Сегодня я могу предоставить вам эту возможность, сократив выкуп за невесту наполовину. Вас это устроит»? (#####“#####”)? Цзун Цзымэй и сам считал, что сделать это будет непросто, поэтому отложил этот вопрос на потом. (#####).

В то время в западном квартале жила вдова. (#####). У нее была дочь, которая вот-вот должна была выйти замуж, и её прозвали Дяньдан. (#####). Цзун Цзымэй встретил её случайно, она была такой же элегантной и красивой, как Чанъэ. (#####). Цзун Цзымэй иногда встречался с ней. Цзымею она очень нравилась, и он часто ходил к ней под предлогом вручения подарков. (#####). Со временем они стали лучше узнавать друг друга и часто обменивались взглядами при встрече. (#####). Им обоим хотелось поговорить, но возможности сделать это не было. (#####). Однажды ночью Дяньдан перелезла через стену, чтобы занять огня. (#####).

##). Цзун Цзимэй с радостью обнял её, и они вступили в интимную связь; они также договорились пожениться, но она отказалась, сказав, что её брат уехал по делам и ещё не вернулся. (#####). С тех пор они виделись друг с другом при любой возможности, но на людях пока держались особняком. (#####).

Однажды, когда Цзун Цзимэй случайно проходил мимо Красного моста, он увидел Чанъэ, стоящую в дверях, и Цзун Цзимэй быстро приблизился к ней. (#####). Увидев его, Чанъэ помахала ему рукой, и Цзун Цзимэй, остановившись, замер; его снова поприветствовал Чанъэ, и он вошел в её дом. (#####). Чанъэ упрекнула Цзун Цзимэй за нарушение обещания, и Цзимэй объяснила ей причину этого. (#####). Чанъэ войдя в дом, взяла золотую цепочку и подарил её Цзун Цзимэю. (#####). Цзун Цзимэй отказался принять её и оправдывался, говоря: «Я думал, что у меня никогда не будет возможности больше быть с тобой, поэтому заключил брачный контракт с другой. (#####“#####”). Если я приму твоё золото и женюсь на тебе сейчас, я подведу других. (#####“#####”). Если я приму твоё золото и не женюсь на тебе, я подведу тебя за твою доброту. (#####“#####”). Поэтому это золото я не смею принять». (#####“#####”). Чанъэ постояла немного и сказала: «Я также знаю о вашем брачном договоре, и этому делу не суждено сбыться. (#####“#####”). Даже если это сбудется, я не буду винить вас за отказ в отношении меня. (#####). Вы должны поскорее уйти отсюда, потому что мать возвращается» (#####“#####”). В спешке Цзун Цзимэй не знал, что делать, поэтому взял золото и вернулся домой. (#####). Проведя ночь, он рассказал об этом Дяньдан. (#####). Та считала, что Чанъэ права, но посоветовала Цзун Цзимэю сосредоточиться на любви к Чанъэ. (#####). Цзун Цзимэй молчал, погруженный в размышления; лишь когда женщина сказала, что готова подчиниться Чанъэ, Цзун Цзимэй обрадовался. (#####). Тотчас же он послал сваху с золотом, чтобы передать его госпоже Линь, которая, ничего не сказав, отдала Чанъэ Цзун Цзимэю. (#####). Лишь после того, как Чанъэ вошла в его покои, он пересказал Чанъэ слова Дяньдан. (#####). Чанъэ улыбнулась и предложила взять Дяньдан в наложницы. (#####). Цзун Цзимэй был вне себя от радости и с нетерпением ждал встречи с Дяньдан, но та долгое время не приходила. И Чанъэ знала, что Дяньдан делает это ради неё, поэтому она временно ушла домой, дав им шанс побыть вместе. (#####“#####”). Она велела Цзун Цзимэю украсть мешочек с благовониями, который Дяньдан носила, когда встречалась с ним. (#####“#####”). Вскоре, как и ожидалось, прибыла Дяньдан. (#####). Цзун Цзимэй обсудил с ней вопрос брака, но Дяньдан сказала, что спешить некуда. (#####). Когда Дяньдан расстегнула одежду и начала заигрывать с ним, из-под её нагрудной повязки показалась фиолетовая сумочка. (#####). Цзун Цзимэй воспользовался случаем, чтобы похитить её, и Дяньдан внезапно изменила выражение лица и сказала: «Ты предан другой, но не мне. Ты неверен! (#####“#####”). С этого момента ты должен разорвать со мной все связи». (#####“#####”). Цзун Цзимэй пытался объяснить и задержать её, но она отказалась слушать и ушла. (#####). Однажды, когда Цзун Цзимэй проходил мимо её дома, его арендовал другой человек по имени Ву. (#####“#####”). Он сказал, что мать и дочь давно уехали, от них не осталось и следа, узнать что-либо об их местонахождении было невозможно. (#####“#####”).

С тех пор как Цзун Цзимэй женился на Чанъэ, семья внезапно стала богаче: длинный коридор зданий соединял улицы. (#####). Чанъэ любила играть и забавляться. (#####). Однажды они увидели картину с изображением прекрасной женщины, и Цзун Цзимэй сказал Чанъэ: «Я часто говорил, что такая красивая женщина, как ты, поистине уникальна в мире. (#####“#####”). Мне жаль

только, что я никогда не видел легендарных красавиц Ян Гуй-фэй и Чжао Фэй-янь». Чанъэ улыбнулась и сказала Цзун Цзымэю: «Если ты хочешь увидеть Ян Гуй-фэй и Чжао Фэй-янь, это не сложно». (#####“#####”). Поэтому она взяла свиток и внимательно просмотрела его, затем поспешила в дом и оделась перед зеркалом, подражая легкому и грациозному танцу Чжао Фэй-янь и соблазнительному и очаровательному опьянению Ян Гуй-фэй. (#####). Длина и вес платья менялись по мере того, как менялся танец. (#####). Показанный тонкий стиль был точно таким же, как на свитке. (#####). Когда Чанъэ только начала танцевать, снаружи вошла служанка и с трудом узнала Чанъэ. (#####). Она удивленно спросила сестру-компаньонку. (#####). Она изумленно спросила сестер-спутниц, а когда посмотрела на неё внимательнее, то рассмеялась от осознания этого. (#####). Цзун Цзымэй сказал: «У меня есть моя красивая и изящная жена, и все красавицы истории находятся в моём доме». (#####“#####”).

Однажды ночью, едва заснув, несколько мужчин вдруг отперли дверь и вошли внутрь, а огонь осветил стены. (#####). Чанъэ поспешно встала и воскликнула: «Напали грабители»! (#####“#####”)! Цзун Цзымэй только что проснулся и собирался закричать, когда мужчина приставил нож к его шее, напугав его так сильно, что он даже не осмеливался дышать. (#####). Другой мужчина посадил Чанъэ на спину и убежал, а группа бандитов разбежалась. (#####). Только тогда Цзун Цзымэй закричал, и слуги дома собрались, чтобы убедиться, что ни одна из драгоценностей и украшений не пропала из дома. (#####). Цзун Цзымэй был настолько убит горем и напуган, что не знал, что делать. (#####). Они подали в суд властям, которые поставили ультиматум сыщикам - разыскать их, но новостей не было. (#####). Постепенно прошло три или четыре года, и Цзун был настолько подавлен и угнетён, что воспользовался возможностью поехать в столицу провинции, чтобы отдохнуть от учебы в городе Цзинду. (#####). Прожив там полгода, он испробовал всевозможные методы, чтобы выяснить местонахождение Чанъэ. (#####).

Однажды, проходя мимо переулка Яо, он наткнулся на женщину с всклокоченным лицом и в потрепанной одежде, испуганную, как нищую, выпрашивающую еду. (#####). Цзун Цзымэй остановился и присмотрелся к ней, и оказалось, что она - Дяньдан! (#####)! Удивленный, он сказал: «Дяньдан, почему ты такая измождённая»? (#####“#####”). Дяньдан ответила: «С тех пор, как мы расстались, я переехала на юг, а моя старая мать умерла. (#####“#####”). Меня похитили злодеи и продали в рабство, где я терпела избиения, унижения, холод и голод, которые не могла переносить». (#####). Услышав это, Цзун Цзымэй расплакался и спросил её: «Если будет в моей власти, смогу ли я искупить свою вину и выкупить тебя»? (#####“#####”)? Дяньдан сказала: «Это трудно. Это стоит больших денег, и нет никакой возможности сделать это». (#####“#####”). Цзун Цзымэй сказал: «По правде говоря, за последние несколько лет моя семья стала довольно богатой, но, к сожалению, я живу здесь и не имею много карманных денег. (#####“#####”). Если бы я мог продать свой багаж и лошадь, чтобы выкупить тебя, то они не посмют отказаться. (#####). Если денег потребуется слишком много, то я вернусь домой и сделаю это». (#####“#####”). Дяньдан договорилась с ним о встрече на следующий день под ивами в западном городе и велела, чтобы он пришёл один, и чтобы никто не следовал за ним. (#####). Цзун Цзымэй пообещал: «Да будет так». (#####“#####”).

На следующий день, как и было обещано, Цзун Цзымэй отправился рано утром. (#####). Когда он прибыл в Западный город, Дяньдан уже ждала его там, одетая в

яркое и красочное платье, совсем не похожее на то, что он видел вчера. (#####). Когда Цзун Цзымэй удивленно спросил её, она улыбнулась и ответила: «Вчера я проверяла твоё сердце, но, к счастью, чувства моего старого друга не изменились. (#####). Пожалуйста, приходите в мою скромную обитель побеседовать, и я хорошо отплачу вам». (#####). Цзун Цзымэй проследовал за Дяньдан немного на север и прибыл к её дому. (#####). Его развлекали едой и вином, они смеялись и хохотали. (#####). Цзун Цзымэй попросил её поехать с ним домой. (#####). Она сказала: «У меня здесь слишком много мирских дел, чтобы идти с тобой. (#####). Но я немного знаю о Чаньэ». (#####). Цзун Цзымэй не мог дождаться, чтобы спросить, где находится Чаньэ. (#####). «Я не могу точно сказать, где она находится, - ответила Дяньдан, - на западной горе есть старая монахиня, которая слепа на один глаз, спроси её, и она расскажет тебе». (#####). В ту ночь Цзун Цзымэй остановился в доме Дяньдан. (#####). На рассвете Дяньдан показал ему дорогу. (#####). Когда он прибыл туда, то увидел старый храм, стены которого обрушились вокруг него. (#####). В зарослях бамбука стояла соломенная хижина, и старая монахиня чинила свою одежду. (#####). Когда она увидела посетителя, она была равнодушна. (#####). Цзун Цзымэй отдал ей честь, и только тогда старая монахиня подняла глаза и спросила, что ему нужно. (#####). Цзун Цзымэй назвал своё имя и рассказал, о чём он просит. (#####). Старая монахиня сказала: «Я восьмидесятилетняя слепая женщина, изолированная от мира, где я могу узнать о красавице»? (#####)? Цзун Цзымэй горько умолял её, пока старая монахиня не ответила: «Я действительно не знаю. (#####). Есть два или три родственника, которые придут завтра вечером, весьма, возможно, молодые господа узнают об этом. (#####). Ты можешь прийти завтра вечером»! (#####)! И Цзун Цзымэй вышел. (#####).

Когда он снова пришёл туда на следующий день, старой монахини не было дома, а сло-
манная дверь была наглухо заперта. (#####). После долгого ожидания здесь,
ночь была уже глубокой, яркая луна висела высоко в восточном небе, а Цзун Цзымэй ходил взад
и вперёд, не в силах найти решения. (#####). Изда-
лека он увидел двух или трех женщин, вошедших снаружи, одна из них была Чаньэ. (#####). Цзун Цзымэй так обрадовался, что вскочил и поспешно потянул Чаньэ
за рукав. (#####). Чаньэ сказала: «Вы так опрометчивы, что напугали
меня до смерти! (#####)! Ненавижу эту болтливую Дяньдан, позволяющую вам
снова донимать меня своей детской любовью». (#####). Цзун Цзымэй отвёл
Чаньэ, чтобы она села, взял её за руку и рассказал ей о тяготах расставания, и слёзы наверну-
лись у него на глазах. (#####). Чаньэ сказала: «По правде
говоря, я – та Чаньэ с небес, которая была низвергнута в этот мир и плавает в мире людей.
(#####). Теперь, когда моё время истекло, я вернулась на небеса
под видом кражи меня грабителями. (#####). Я поступила так, чтобы лишить вас
надежды. (#####). Эта старая монахиня - та самая, которая следит за дверью для
царицы-матери. (#####). Когда я была впервые осуждена, меня сослали на землю, она
приютила меня из доброты и взяла под опеку, поэтому я часто навещала её. (#####). Если вы меня отпустите, я подумаю о том, чтобы женить на вас Дяньдан». (#####). Цзун Цзымэй не отпускал её, а склонил голову и заплакал. (#####). Чаньэ оглянулась и сказала: «Сестры здесь». (#####). Цзун Цзымэй огля-
нулся, но Чаньэ уже исчезла. (#####). Цзун Цзымэй потерял дар речи и закричал, не
желая больше жить в этом мире, он развязал свой пояс и повесился. (#####). В оцепенении он почувствовал, что его душа покинула тело и уносится в никуда. (#

#####). Вдруг он увидел приближающуюся Чанъэ, которая схватила его за ноги, подняла с земли и вошла с ним храм, сказав: «Идиот! Глупый любовник! Я – Чанъэ, и я здесь!» (#####“#####”). Цзун Цзымэй внезапно проснулся, словно от сна. (#####). Когда он успокоился, Чанъэ сердито сказала: «Презренная служанка! Это она причинила мне вред, чуть не убив моего мужа. Я не могу оставить вас здесь, это было бы легкомысленно». (#####“#####”). Спустившись с горы, они вдвоем взяли напрокат паланкин и вернулись в своё прежнее жилище. (#####). Цзун Цзымэй приказал своей семье приготовить одежду, а сам вернулся в западный город, чтобы поблагодарить Дяньдан. (#####). Но когда они прибыли туда, первоначальный дом полностью изменился, и Цзун Цзымэй вернулся в изумлении и печали. (#####). Он подумал про себя, что, к счастью, Чанъэ ничего не заметила. (#####). Когда он вошёл в дверь, Чанъэ встретил его с улыбкой и спросила: «Вы видели Дяньдан?» (#####“#####”) Цзун Цзымэй был настолько потрясен, что не мог говорить. (#####). Чанъэ сказала: «Как вы можете видеть Дяньдан, если хотите быть со мной, с Чанъэ? (#####“#####”) Пожалуйста, сидите спокойно, и она придёт к вам через некоторое время». (#####“#####”). И вскоре Дяньдан всё-таки пришла в себя и в панике опустился на колени возле кровати. (#####). Чанъэ щелкнула пальцем по её голове и сказала: «Маленький соплячка, ты вредительница!» (#####“#####”) Дяньдан несколько раз помотала головой, и умоляла избавить её от смерти. (#####). Чанъэ сказала: «Бросаешь других в огонь, а сама хочешь остаться безнаказанной? (#####“#####”) Одинадцати монахиням во дворце Гуан Хань, которых через несколько дней выдадут замуж, нужно сто вышитых подушек и сто пар обуви, так что ты можешь пойти со мной и закончить их вместе». (#####“#####”). Дяньдан почтительно сказала: «Если мне мне позволят, то я отправлюсь с вами и сделаю работу вовремя». (#####“#####”). Чанъэ не допустила этого возражения и сказала Цзун Цзымэю: «Если ты согласен, то отпусти её». (#####“#####”). Дяньдан устала на Цзун Цзымэя, но тот только рассмеялся и ничего не сказал. (#####). Дяньдан сердито посмотрел на него. (#####). Когда Дяньдан умоляла госпожу отпустить её домой, Чанъэ согласилась, и она пошла домой. (#####). Цзун Цзымэй расспросил Чанъэ о жизни и рождении Дяньдан и узнал, что она была лисой с Западных гор. (#####). Цзун Цзымэй нанял для неё повозку и стал ждать её возвращения. (#####). На следующий день Дяньдан всё-таки вернулась, и они вместе отправились домой. (#####).

В этот раз Чанъэ вернулась с достойным поведением и никогда не шутила безрассудно со своей семьей. (#####). Когда Цзун Цзымэй заставил Чанъэ играть в переодевания, она отказалась, а только тайно поощряла в этой игре Дяньдан. (#####). Дяньдан была очень умна и умела льстить мужчинам. (#####). Когда Цзун Цзымэй хотел провести с ней ночь наедине, она часто отказывалась, говоря, что плохо себя чувствует. (#####). Однажды ночью, когда была уже третья стража, она услышала в комнате звуки хихиканья и смеха. (#####). Чанъэ попросила свою служанку тайком посмотреть, что происходит. (#####). Когда служанка вернулась, она ничего не сказала, но попросила госпожу пойти и посмотреть самой. (#####). Чанъэ присела у окна и заглянула в него, но увидела Дяньдан, одетую в свою форму, с Цзун Цзымэем который держал её и называл Чанъэ. (#####). Чанъэ презрительно улыбнулась и вернулась в дом. (#####). Через некоторое время, когда боль в её сердце стала настолько сильной, что она поспешно оделась и Цзун Цзымэй отвёл её в комнату Чанъэ, та вошла и опустилась на колени. (#####). Чанъэ сказала: «Я не врач и не колдун, как же я могу тебя вылечить? (#####“#####”) Ты сама хочешь последовать примеру Си Ши, которая

сдерживает своё сердце и учится быть деликатной». (#####). Дяньдан просто поклонилась до земли и сказала, что знает, что виновна. (#####). Чанъэ сказала: «Готово». (#####). Затем она поднялась с земли и пошла прочь, смеясь. (#####). Дяньдан тайно сказала Цзун Цзымэю: «Я могу заставить свою мать подражать богине Бодхисаттве Гуаньинь». (#####). Цзун Цзымэй не поверил, поэтому заключил шуточное пари с Дяньдан. (#####). Когда Чанъэ медитировала со скрещенными ногами, ее глаза всегда были как будто закрыты. (#####). Дяньдан спокойно вставила ветку ивы в нефритовую вазу. (#####). Когда она положила её на ажурный столик, она стояла с опущенными волосами и ладонями вместе, ее губы, похожие на вишни, были полуоткрыты, зубы, похожие на тыкву, слегка обнажены, глаза немигающие. (#####). Цзун Цзымэй смеялся над ней со стороны. (#####). Когда Чанъэ открыла глаза и спросила её об этом, Дяньдан ответила: «Я учусь у Девы Дракона, служащей Богине Милосердия». (#####). Чанъэ смеялась и ругала её, наказывала за это, чтобы она, подражая ребёнку, так отдала ей честь. (#####). Подвывая волосы, она поклонялась на все стороны, приседала на землю, меняла форму, поворачивалась из стороны в сторону и танцевала так, что топот её ног оглушал уши. (#####). Чанъэ рассмеялась и пнула её ногой. (#####). Дяньдан подняла голову и укусила Чанъэ за палец, нежно сжав его зубами. (#####). Когда Чанъэ счастливо смеялась, она вдруг почувствовала нотки чувственного вожделения, от пальцев ног до самого сердца, что было невыносимо, и она не могла это контролировать. (#####). Чанъэ поспешила успокоить её и отругала: «Рабыня-лиса! Хочешь умереть - запутай людей и не выбирай малого». (#####). Испугавшись, Дяньдан поспешно отпустила её палец, открыв рот, и скрючился на земле. (#####). Чанъэ снова сурово упрекнул её, но та не поняла, за что. (#####). Чанъэ сказал Цзун Цзымэю: «Эта служанка Дяньдан никогда не меняла своей лисьей натуры, и я чуть было не одурачила её только что. (#####). Если бы я не была так глубоко укоренена в своем даосизме, я могла бы легко попасть в её ловушку». (#####). С этого момента она была настороже всякий раз, когда видела её. (#####). Ей было так стыдно и страшно, что она сказала Цзун Цзымэю: «Я всегда любила руки и ноги моей матери, но поскольку я так сильно люблю её, я не чувствую, что зашла слишком далеко, очаровывая её. (#####). Если бы я сказала, что у меня есть какое-то другое сердце, я не только не осмелилась бы его иметь, но и не смогла бы вынести его в своем сердце». (#####). Цзун Цзымэй рассказал Чанъэ правду, и Чанъэ изменила своё отношение к ней, как и в самом начале. (#####). Однако, поскольку в игривости не было сдержанности, Цзун Цзымэй неоднократно делала ей наставления, но она не слушала его, поэтому все служанки, большие и маленькие, последовали их примеру и соревновались друг с другом. (#####).

Однажды две девушки-служанки поддержали девушку-служанку, притворившейся опьянённой Ян Гуй-фэй. (#####). Две служанки подмигнули друг другу, и когда служанка была в пьяном угаре, они отпустили их руки, и служанка внезапно упала на нижнюю ступеньку, и звук падения был похож на толчок стены. (#####). Толпа ахнула от шока. При ближайшем рассмотрении они обнаружили, что служанка, одетая как императорская наложница, как и сама наложница, умерла на склоне Мавэй, ее жизнь оборвалась слишком рано. (#####). Испугавшись, они быстро рассказали о случившемся своему хозяину. (#####). Чанъэ пришла в ужас и сказала: «Беда, а как же то, что я сказала»! (#####)! Она пошла осмотреть её и увидела, что служанку уже не спасти. (#####). Она послала кого-то сказать отцу служанки. (#####). Отец служанки, некий А., который никогда не

был добродетельным человеком, пришёл в слезах, побежал и понес тело дочери в залу, крича и проклиная. (#####). Цзун Цзымэй так испугался, что закрыл дверь и не знал, что делать. (#####). Сама Чаньэ упрекнула его, сказав: «Даже если хозяин плохо обращался со своей служанкой до смерти, нет такого закона, чтобы платить за её жизнь. (#####“#####”). Кроме того, ваш ребенок случайно умер насильственной смертью, так откуда вы знаете, что она не будет жить снова»? (#####“#####”)? Некий А кричал: «Как может быть её оживление, когда конечности холодные!» (#####“#####”)! Чаньэ сказала: «Не суетитесь, даже если она не выживет, всё равно есть правительство, суд и воздаяние». (#####“#####”). Тогда она пошла в зал и коснулась тела рукой, и служанка тут же проснулась. (#####“#####”). Когда она снова коснулась её рукой, она поднялась вместе с ней. (#####“#####”). Чаньэ вернулась и сердито сказала: «Служанке повезло, что она не умерла, но как может рабыня-воровка быть такой неразумной! (#####“#####”)! Вы можете связать ее веревкой и отправить к властям». (#####“#####”). Некому А нечего было сказать, он долго стоял на коленях и молил о прощении. (#####“#####”). Чаньэ сказала: «Поскольку ты знаешь свою вину, то на время будешь освобожден от преследования и наказания. (#####“#####”). Но ты - разбойник и капризный человек, и оставлять здесь свою дочь - это предмет для неприятностей. (#####“#####”). Ты должен забрать её и отправить обратно с первоначальной ценой покупки». (#####“#####”). Она послала кого-то проводить её обратно и попросил двух-трех стариков из деревни подтвердить залог за свидетельство. (#####“#####”). Закончив, она подозвала к себе служанку и попросила А спросить её: «Тебе больно»? (#####“#####”)? Служанка ответила: «Нет». (#####“#####”). Затем она передала служанку некому А и попросила его забрать её. (#####“#####”). Когда дело было закончено, Чаньэ подозвала к себе служанок и по очереди посчитала их виновными в том, что на неё набросились. (#####“#####”). Она также вызвала к себе Дяньдан и строго-настрого запретила ей снова заниматься подобными вещами. (#####“#####”). Она сказала Цзун Цзымэю: «Теперь я знаю, что даже мастер не смеет быть опрометчивым при каждой улыбке и усмешке. (#####“#####”). Удивительно, что запрет на шутки, начавшийся с самого себя, привел к многократному запрету на недобросовестную работу. (#####“#####”). Это закон круговорота всех вещей, что все в этом мире скорбное - *инь*, а счастливое - *ян*, и это закон всех вещей, что если вы будете слишком счастливы, вы перейдете к противоположному. (#####“#####”). Горе служанки - это предостережение духов. (#####“#####”). Если мы продолжим быть одержимыми, нас ждут большие неприятности». (#####“#####”). Цзун Цзымэй прислушался к словам Чаньэ. (#####“#####”). Дяньдан заплакала и попросила Чаньэ освободить её. (#####“#####”). Чаньэ приложила палец к уху Дяньдан и через некоторое время отпустила ее руку. (#####“#####”). Некоторое время она находилась в оцепенении, затем внезапно очнулась, словно от сна, и упала на землю в поклоне, танцуя от радости. (#####“#####”). После этого суд стал чистым и серьезным, и никто больше не осмеливался шуметь. (#####“#####”). Служанка, вернувшись домой, но заболела и умерла по собственной воле. (#####“#####”). А, поскольку он не мог заплатить за выкуп девушки-служанки, попросил старика в деревне просить милости от его имени, и Чаньэ согласилась. (#####“#####”). Она также подарила гроб, потому что служанка была привязана к своему господину. (#####“#####”).

Цзун Цзымэй часто беспокоился о том, что он бездетен. (#####“#####”). Когда она вдруг услышала плач ребенка в своей утробе, она разрезала ножом левый бок и достала ребенка, который оказался мальчиком. (#####“#####”). Вскоре после этого Чаньэ снова забеременела и снова разрезала правый бок, чтобы достать ребенка, который оказался девочкой. (#####“#####”). Мальчик походил на своего отца, а девочка

- на свою мать. (#####). Когда они выросли, оба женились в больших и влиятельных семьях. (#####).

Это - правда, что когда мужское начало доходит до крайности, возникает женское, - говорит мудрец Иши. (#####). Но возле дома живет нимфа, и по воле судьбы мне дано насладиться великой радостью, избавиться от язв и продлить жизнь, пока я не умру! (#####)! Это место настолько счастливое, что там можно прожить все дни, но почему фея беспокоится? (#####)? Так и должно быть, в том смысле, что земля и небо работают циклично. (#####). Но как мы можем объяснить тех людей в мире, которые уже долгое время находятся в беде и не справляются? (#####). В прошлом в государстве Сун жил человек, который стремился к бессмертию, но потерпел неудачу. Он часто говорил: «Если бы я мог стать бессмертным хотя бы на один день, я бы умер немедленно, ни о чём не жалея». (#####). Я больше не смеюсь над ним. (#####).

После этого Цзи Юнь сказал:

Так уж получилось, что жизнь людей разделилась на пребывание в двух мирах: в мире живых и мире мёртвых. В мире живых они рождаются, а затем переходят в мир мёртвых, чтобы опять родиться в мире живых. Это – как явь и сон. И к этому все люди должны привыкнуть. В мире живых они должны пребывать достойно, чтобы, перейдя в мир мёртвых, у них была возможность опять родиться в мире живых.

И он рассказал о разговоре человека с бесом и о путях живых и мёртвых.

20. Разговор с бесами о путях живых и мёртвых

Мой дядя, Яо Гун-цзе, рассказывал: «История о мстительном призраке, стремящемся к справедливости, записана в различных исторических текстах и распространяется в разных источниках. (#####). В мае года *гуйвэй*, когда я возвращался в Цуйчжуан из женского монастыря Гэнцзя в Яньшане, я стал свидетелем этого лично. (#####). Мужчине было около пятидесяти лет, он был одет в соломенную шляпу и пеньковую рубашку. (#####). Он взял одеяло с осла, привязанного к иве, и расстелил на берегу реки, сидел, прислонившись к дереву. (#####). Я тоже отдыхал возле лошади. (#####). Внезапно мужчина вскочил, сделал жест сопротивления руками и сказал: «Я отнял вашу жизнь, поэтому я расплачиваюсь своей жизнью. Зачем нам так бороться?» (#####)? Он долго с кем-то боролся, затем его слова становились все более неразборчивыми. (#####). Внезапно он вскочил и исчез в волнах. (#####). Более десяти человек, ставших свидетелями этого, сложили руки и прочитали буддийские молитвы. (#####). Хотя мы не знаем, какой обиды он кому-то нанёс, и какая несправедливость была совершена по отношению к кому-то, сам мужчина говорил, что заплатит жизнью за ту жизнь, которую отнял». (#####).

Прослушав эту историю, Юань Мэй сказал:

- Бессмертие можно добиться при своей жизни, но при этом нужно всегда помнить о цели, которую человек ставит перед собой, или просто забыть обо всём, как это обычно делают бессмертные.

И он рассказал историю «Обезьянье вино» (###) об удивительном отшельнике, которому на вид лет шестьдесят, более ста тридцати лет прожил среди обезьян.

21. Отшельник долгожитель

Учёный студент Цао Лу-инь рассказал мне: «Весной первого года правления императора Канси я посетил гору Хуаншань вместе со своим другом Пань Си-чао. (#####). Когда я прибыл в Вэньшу Юань, то ел с монахом Сюэчжуаном, как вдруг я потерял из виду людей за столом, были видны только их головы. Монах сказал: «Это значит, что тучи рассеялись». (#####).

На следующий день я вошёл в пещеру Юньфэн и увидел старика, длиной в девять футов, с красивой бородой, сидящего на каменном ложе в рясе и соломенной обуви. (#####). Когда Цао попросил у него чаю, старик рассмеялся и сказал: «Как я могу получить чай в этом месте»? (#####)? Цао принёс рис, сварил его и предложил старику. (#####). Старик сказал: «Я не пробовал этого уже более 60 лет»! (#####)! Цао поинтересовался его фамилией, и тот сказал: "Моя фамилия Чжоу, а зовут меня Чжэн, я - генерал армии, и я прячусь здесь уже сто тридцать лет с конца династии Мин. (#####). В этой пещере жил тигр, и обезьяны страдали от него, поэтому они предложили мне убить тигра. (#####). После того, как я лишился своих подданных, то смог жить здесь". (#####). Кровать украшали два меча, свет которых был ярким, как снег. На помосте лежали две диаграммы магического креста реки Хэ Ту и шестьдесят четыре гексаграммы, а на полу были навалены десятки тигровых шкур. (#####). Он сказал Цао с улыбкой: «Завтра обезьяны придут навестить меня, это будет очень красивое зрелище». (#####). Не успел он договорить, как в пещеру вбежали несколько маленьких обезьян и в страхе подпрыгнули, увидев кого-то. (#####). Старик сказал: «С тех пор как тигра убрали из пещеры, обезьяны благодарны мне за мою доброту и каждый день приходят посменно, чтобы служить мне». (#####). Он сказал им: «Я буду приглашать гостей, поэтому вы можете собирать дрова и зажарьте сладкий картофель таро с луком на медленном огне». (#####). Обезьяны ускакали, а через несколько мгновений прибежали с дровами и сварили таро для Цао. (#####). Цао помнил, что вино здесь лучше, и старик знал это. (#####). Он подвел его к скале, где камень закрывал небольшое углубление, где находилось чистое и ароматное вино, и сказал: «Это лучшее вино». (#####). Они пили вместе. (#####). Когда старик напился, он взял свои мечи и стал танцевать с ними, и в небе поднялся ветер. (#####). После танца он вернулся в пещеру и лег на тигровую шкуру, сказав Цао: «Если вы голодны, можете взять кедровые орехи и каштаны и съесть их». (#####). После еды он почувствовал себя легче и здоровее. (#####). До этого Цао всегда болел простудой, но его болезни сократились в восемь или девять раз. (#####).

Наконец, обезьяны привели его к скале, где сидела длиннорослая белая обезьяна, тело которой было помещено в хижину из сосновых веток. В руке она держала свиток и читала его вслух, хотя смысл был неясен. Внизу тысяча обезьян танцевала в знак поклонения. (#####). Цао был вне себя от радости и поспешил обратно, чтобы рассказать Пан Си-чао. (#####). Тот потащился за Цао, но внутри пещеры осталась только каменная кровать; старика нигде не было видно. (#####).

После этого Цзи Юнь сказал ещё:

- Каждый человек имеет удивительные способности видеть во сне то, что происходит на самом деле, потому что люди живут одновременно во снах и наяву, и эти две действительности тесно соединены меж собой. Бессмертие – это продолжение снов в любой реальности, где бы не находился человек в действительном мире или в потустороннем.

И он рассказал историю, где сны, которые снятся одновременно двум людям, или одному снится то, что реально происходит с другими.

22. Сны, соединённые с реальностью

В «Лецзы» говорится, что только Жёлтый Император и Конфуций могли знать сон о Банановом Олене. (#####). Как же это верно! (####)! Когда я был в Западных Регионах, я сопровождал министра Ба во время инспекции военного поста. (#####). Министр Ба вернулся первым, но я остался из-за незавершённых дел, проведя ночь с бывшим заместителем генерала Ляном. (#####). На второй вахте пришло срочное сообщение о тревоге, и все солдаты поста были отправлены туда. (#####). Я разбудил Ляна и приказал ему срочно доставить его, договорившись, что если он встретит солдат на полпути, то получит сообщение. (#####). Лян прошёл более десяти *ли*, встретил их и вернулся, после чего снова крепко уснул. (#####). На следующий день он сказал мне: «Прошлой ночью мне приснилось, что ты послал меня доставить сообщение ко двору. (#####). Боясь пропустить его, я хлестнул лошадь и помчался галопом. (#####). Сегодня мои бёдра всё ещё опухли. Какая странность!» (#####). Все восприняли это как сон, и слуги были развеселены. (#####). В моем стихотворении «Урумчи: разные стихи» говорится: «Улыбка, кнут, и лошадь летит, как ветер; во сне я скачу прочь и возвращаюсь. (#####). Жизненные дела не оставляют следа, как в стихотворении Су Ши: «События подобны весенним снам, не оставляющим следа». (#####). Зачем спрашивать о добре и зле Бананового Оленя?» (#####)? Это - запись этого события. (#####). Есть и те, кто принимает сны за реальность. (#####). Мой двоюродный брат, Цичэнь рассказал историю из Цзинхая: мужчина, лёг спать, оставил свою жену прясть в другой комнате. (#####). Внезапно ему приснилось, что несколько мужчин похитили её. (#####). Он проснулся сонным, не понимая, что это был сон, и тут же схватил палку и побежал за ними. (#####). Пробежав более десяти *ли*, он действительно увидел в пустыне нескольких мужчин с женщиной, которые собирались её изнасиловать. (#####). Женщина оглушительно закричала. (#####). В ярости он яростно сражался, все мужчины были ранены и бежали. (#####). Он подошел к ней, чтобы утешить, и узнал, что это была другая женщина из соседней деревни, которую тоже похитили воры. (#####). Они были знакомы, поэтому он осторожно отвел её домой. (#####). Разочарованный, он вернулся к жене, чья пряжа так и не была закончена, а лампа все еще мерцала. (#####). Это можно было бы объяснить появлением призраков или духов, и это нельзя считать сном. (#####).

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.